

Е.Н. Туманик*

СПОР О «ЛИТЕРАТУРНОМ ПАМЯТНИКЕ»:
ПУБЛИКАЦИЯ НАСЛЕДИЯ И.Д. ЯКУШКИНА
В СВЕТЕ КРИТИКИ М.К. АЗАДОВСКОГО**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-8
УДК 930(091)+94(47).073(001)

Выходные данные для цитирования:

Туманик Е.Н. Спор о «литературном памятнике»: публикация наследия
И.Д. Якушкина в свете критики М.К. Азадовского // Исторический курьер. 2025.
№ 6 (44). С. 123–141. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-08.pdf>

E.N. Tumanik*

THE DEBATE ON THE “LITERARY MONUMENT”:
PUBLISHING I.D. YAKUSHKIN’S LEGACY
IN LIGHT OF M.K. AZADOVSKY’S CRITICISM**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-8

*How to cite:*Tumanik E.N. The Debate on the “Literary Monument”: Publishing I.D. Yakushkin’s
Legacy in Light of M.K. Azadovsky’s Criticism // Historical Courier, 2025, No. 6 (44),
pp. 123–141. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-08.pdf>]

Abstract. The publication in 1951 of the volume “Notes, Articles and Letters of the Decembrist I.D. Yakushkin” in the series “Literary Monuments” became a phenomenon of book culture. The publication was prepared by S.J. Shtraich. The successful composition of the volume and the selection of materials for publication made the legacy of I.D. Yakushkin in demand not only as an integral historical source, but also elevated it to a number of phenomena of Russian literature. However, along with the positive aspects, the publication revealed a number of glaring shortcomings in the field of scientific commentary, which caused fair criticism in the scientific community, which was expressed in the press by M.K. Azadovsky. The appearance of M.K. Azadovsky’s review of the edition of I.D. Yakushkin’s writings and letters was preceded by a discussion of the volume among scientists, in particular, between the reviewer himself and Yu.G. Oxman, as well as researchers from their social circle. The correspondence between M.K. Azadovsky and Yu.G. Oxman expresses an opinion about S.J. Shtraich as a publisher, as well as his methods of scientific work. This information is important for recreating the scientific biography of S. J. Shtraich. The article highlights the main provisions of M.K. Azadovsky’s critical analysis of the publication of the legacy of I.D. Yakushkin in the series “Literary Monuments”, as well as his views on the principles of scientific commentary on historical sources relevant to modern science. Additionally, the topic of the circumstances of M. K. Azadovsky’s life and scientific career during the creation of the review, partly prepared by scientific communication with Yu.G. Oxman, is disclosed.

Keywords: I.D. Yakushkin, writings, epistolary heritage, “Literary Monuments”, S.Ya. Shtraikh, M.K. Azadovsky, Yu.G. Oksman.

*The article has been received by the editor on 25.08.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* Екатерина Николаевна Туманик, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kattum@mail.ru

Ekaterina Nikolaevna Tumanik, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, kattum@mail.ru

** Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, проект № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.».

The article was prepared according to the plan of research work of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 122041100088-9 “Transformation of Book Culture in Social Communications of the 19th–21st Centuries”.

Аннотация. Выход в 1951 г. в серии «Литературные памятники» тома «Записки, статьи и письма декабриста И.Д. Якушкина» стал явлением книжной культуры. Издание было подготовлено С.Я. Штрайхом. Удачная композиция тома и подбор материалов для публикации сделали наследие И.Д. Якушкина востребованным не только в качестве целостного исторического источника, но и возвели его в ряд явлений отечественной литературы. Однако наряду с положительными сторонами публикация выявила ряд вопиющих недостатков в области научного комментирования, что вызвало справедливую критику в научном сообществе, выразителем которой в печати стал М.К. Азадовский. Появлению рецензии М.К. Азадовского на издание сочинений и писем И.Д. Якушкина предшествовало обсуждение тома в среде ученых, в частности между самим рецензентом и Ю.Г. Оксманом, а также исследователями из их круга общения. В переписке М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана выражено мнение о С.Я. Штрайхе как публикаторе, а также его методах научной работы. Эти сведения важны для воссоздания научной биографии С.Я. Штрайха. В статье освещены основные положения критического разбора М.К. Азадовским публикации наследия И.Д. Якушкина в серии «Литературные памятники», а также изложены взгляды ученого на принципы научного комментирования исторических источников, актуальные для современной науки. Дополнительно раскрыта тема об обстоятельствах жизни и научной карьере М.К. Азадовского в период создания рецензии, отчасти подготовленной научным общением с Ю.Г. Оксманом.

Ключевые слова: И.Д. Якушкин, сочинения, эпистолярное наследие, «Литературные памятники», С.Я. Штрайх, М.К. Азадовский, Ю.Г. Оксман.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Введение. Наследие декабристов всегда было в центре исследовательских и публикаторских интересов советских историков и писателей. Пожалуй, самым известным документальным изданием, посвященным И.Д. Якушкину, по сей день является книга, вышедшая в 1951 г. в академической издательской серии «Литературные памятники» и выдержавшая два издания. Речь идет о «Записках, статьях, письмах декабриста И.Д. Якушкина», подготовленных к публикации Соломоном Яковлевичем Штрайхом¹. Вышедший том в определенном смысле стал несомненной удачей серии – комплекс опубликованных документов благодаря своей композиционной целостности стал не просто подборкой исторических источников. Налицо литературная концепция издания, талантливо разработанная и осуществленная историком и писателем С.Я. Штрайхом, – воспоминания декабриста дополняют его письма и статьи.

Но наряду с достоинствами издание выявило большие проблемы. И с критикой работы составителя, публикатора, редактора, комментатора С.Я. Штрайха выступил выдающийся ученый-декабристовед Марк Константинович Азадовский, рецензия которого «Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним» по сей день сохраняет свою научную актуальность². Более того, сегодня ее значение возрастает – в ней декларируются необходимые для современных историков и публикаторов исторических документов принципы научного комментирования исторических источников. В начале 1990-х гг. эта небольшая по объему рецензия М.К. Азадовского стала объектом специального историографического анализа, что само по себе говорит о ее важности и особой роли в науке: во вступительной статье и примечаниях к переизданию сочинений ученого, где была снова опубликована данная рецензия, о ней подробно написала С.В. Житомирская, широко используя личную переписку М.К. Азадовского³.

¹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951.

² Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним // Новый мир. 1953. № 3. С. 253–256.

³ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1. С. 36–39.

В иркутском двухтомнике М.К. Азадовского «Страницы истории декабризма» были собраны все самые яркие и значительные работы Марка Константиновича⁴, в том числе составители посчитали необходимым включить в издание и рассматриваемую рецензию, подчеркнув тем самым ее научную ценность наряду с такими трудами, как «Страницки краеведческой деятельности декабристов в Сибири», «Затерянные и утраченные произведения декабристов», «Воспоминания В.Ф. Раевского». Комментарий к переизданию рецензии подготовил А.А. Ильин-Томич, также внесший свой вклад в разработку интересующих нас проблем, включая не только аспекты научного комментирования и истории появления рецензии – именно он поставил вопрос о необходимости изучения такой непростой фигуры в отечественной историографии, какой является С.Я. Штрайх.

Мы рассмотрим рецензию М.К. Азадовского подробнее с более активным привлечением материалов его переписки с литературоведом и историком проф. Юлианом Григорьевичем Оксманом, благо сегодня она опубликована и доступна для самого широкого круга читателей⁵. Необходимо также осветить предысторию появления рецензии, расширить ее рамки выдержками из писем, в которых в частном порядке ученыe более развернуто и открыто высказывают свои взгляды и идеи на проблемы публикации источников по истории движения декабристов, от решения которых напрямую зависит сохранение исторической памяти. Будет сделана попытка воссоздать отношение М.К. Азадовского к С.Я. Штрайху не только как к ученому, но и к личности в мире науки, что также немало-важно в свете анализа рецензии. Также в статье как параллельная вспомогательная проблема будет охарактеризована концепция издания тома Якушкина, в связи с чем будет дан ответ на сложный вопрос – почему столь слабое в отношении научного комментария издание оказалось востребованным «долгожителем». Наконец, будет поставлена задача создания научной биографии С.Я. Штрайха и составления полного библиографического списка его работ.

«Записки, статьи и письма декабриста И.Д. Якушкина» как явление книжной культуры и литературный памятник. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в перспективных проектах серии «Литературные памятники», как сообщал М.К. Азадовский 29 мая 1951 г. в письме к Ю.Г. Оксману, «был план создать такую неофициальную подсерию записок декабристов, но об этом можно было думать и предполагать», пока проектом руководил академик С.И. Вавилов⁶. Начало было положено в 1951 г., когда «Литературные памятники» порадовали читателей томами Якушкина и Бестужевых (этот том подготовил М.К. Азадовский)⁷. Затем начинание практически сошло на нет, как и предполагал Марк Константинович. Всего из 776 томов «Литературных памятников», вышедших к концу 2024 г., декабристам посвящено всего 11 изданий, причем одно из них – репринт И.Д. Якушкина⁸.

«Записки» И.Д. Якушкина – не только важнейший исторический источник о движении декабристов; с середины XIX в. и вплоть до наших дней они занимают прочное место в сфере литературных интересов отечественных читателей, которых привлекает выведенная в них и пронизанная авторской рефлексией широкая панорама событий и повседневности русской жизни первой половины позапрошлого столетия. Письма декабриста притягательны не только информативностью, но и художественными достоинствами, сопряженными с литературной целостностью. Опубликованные собрания писем Якушкина читаются как единое литературное произведение; в качестве примера стоит привести изданный С.Д. Нечаевым комплекс писем И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову, настоящий «роман в письмах», кстати, полностью включенный составителем С.Я. Штрайхом в том «Литературных памятников»⁹. Возможно, именно Штрайх первым понял, что письма Якушкина как смысловое дополнение

⁴ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991–1992. Кн. 1–2.

⁵ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954. М., 1998.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951.

⁸ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. СПб., 2007.

⁹ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.) // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. I. С. 141–186.

его мемуаристики представляют собой их своеобразную «вторую часть», поэтому и возникла идея издания мемуаров и писем декабриста под одной обложкой – в таком виде составленная книга увидела свет в «Литературных памятниках». Концепция издания была дополнена приложением, также очень удачно скомпонованным – в книгу были включены письма и воспоминания об И.Д. Якушкине, проливающие свет на некоторые детали биографии декабриста, информативно расширяющие его мемуаристику и эпистолярику.

В результате получилось монолитное, объединенное общей идеей издание, доступное для восприятия самых широких кругов читателей, но это выяснится позже, когда якушкинский том испытает проверку временем и прочно войдет в число лучших книг серии «Литературные памятники», что доказывает репринтное издание тома, появившееся в 2007 г. Это не только служит свидетельством интереса к наследию И.Д. Якушкина в наши дни, но и подтверждает современность формата и концепции публикации С.Я. Штрайха, не потерявших более чем за полвека своего значения и не выглядящих архаично и сегодня. Особо подчеркнем, что репринт вышел достаточно большим тиражом для современного издания – 2 тыс. экземпляров. Тираж книги 1951 года составил 8 тыс. экземпляров.

Но вернемся к структуре издания. Том открывают «Записки» декабриста, далее следуют его статьи, причем сначала идет исторический блок, связанный с мемуарами, а потом философская статья «Что такое жизнь», характеризующая взгляды декабриста на вопросы мироздания. Далее следуют письма. Но определенно С.Я. Штрайху было этого мало – он решил радикально расширить классическое по структуре «якушкинское» наследие (мемуары, статьи, письма) приложением, которое разделил на части. Первые две из них – материалы самого И.Д. Якушкина. Под общим заголовком «Попытка И.Д. Якушкина освободить своих крестьян» опубликовано письмо министру внутренних дел О.П. Козодавлеву и прошение вяземскому предводителю дворянства М.П. Потолову об освобождении крестьян, которое затеял декабрист в 1819 г., сюда же С.Я. Штрайх отнес «Мнение смоленского помещика об освобождении крестьян от крепостной зависимости». Вторая часть приложения – выдержки из следственного дела И.Д. Якушкина, его письменные показания. Третья часть – воспоминания об И.Д. Якушкине. Завершают приложение «Стихи о бывшем Семеновском полку» Ф.Н. Глинки и два предисловия Е.Е. Якушкина к двум изданиям записок И.Д. Якушкина (1905 и 1925 гг.). Предполагалось, что том будет сопровожден вступительной статьей М.В. Нечкиной, ответственного редактора издания, по крайней мере на это указывал М.К. Азадовский («вступительная статья написана Нечкиной»)¹⁰, но в итоге книга вышла без нее, сразу же открываясь «Записками» декабриста с добавлением эпиграфа из М.А. Бестужева: «Читали ли вы интересные «Записки» Ив[ана] Дмитр[иевича] Якушкина? По краткости, ясности и правдивости это лучшие из всех записок наших товарищей»¹¹.

Предваряя разбор рецензии М.К. Азадовского, сразу отметим, что структура издания вызвала его положительную реакцию, за это он хвалил публикатора – годы спустя мы можем подчеркнуть, что эта похвала была не формальной, а объективной, как и принято в рецензировании (обязательно отметить сильные стороны работы). Марк Константинович действительно был очень справедлив и положительно оценил вполне удачную структуру тома. Еще в период подготовки рецензии он писал Ю.Г. Оксману, выделяя эти моменты: ««Положительное» как будто можно сказать о текстовой стороне», – здесь идет речь именно об удачной компоновке издания и составе текстов, вошедших в него¹².

С.Я. Штрайх – публикатор, библиограф и исследователь. О личности Соломона Яковлевича Штрайха, несмотря на его обширное наследие, известно немногое. Отсутствует и его научная биография, и историографический анализ его научной деятельности, хотя, например, исследователям хорошо известен его фонд в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, включающий 255 е.х. – данное архивное наследие в совокупности с изучением всех опубликованных работ ученого может послужить основательной

¹⁰ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 186.

¹¹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина... С. 7.

¹² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 281.

базой для изучения¹³. Материалы С.Я. Штрайха находятся и в других архивохранилищах России.

С.Я. Штрайх (1879–1857) – историк, литературовед и писатель; его активная деятельность началась еще до революции (свой первый очерк он опубликовал в 1903 г. в Одессе), а после 1917 г. резко активизировалась. Поражает обилие его трудов и работоспособность, а также широта историко-литературных интересов – например, только в каталоге Российской национальной библиотеки можно без труда выявить около 74 отдельно изданных работ и оттисков публикаций С.Я. Штрайха. Полной библиографии его трудов пока нет за исключением библиографических списков с 1903 по 1946 г.¹⁴ При всей противоречивости и неоднозначности его научная и литературная деятельность требует своего изучения и современной оценки. Декабристоведение было одной из приоритетных тем Соломона Яковлевича, к которой он тяготел на протяжении всей жизни. Назовем лишь некоторые наиболее хорошо известные из его работ о декабристах: «Заговор и восстание декабристов» (1925), «О пяти повешенных. Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Каховский» (1926), «Моряки-декабристы (Очерки)» (1946). С.Я. Штрайхом были подготовлены к публикации и в разные годы изданы мемуары и письма М.И. Муравьева-Апостола, А.М. Муравьева, М.С. Лунина. Настоящим бестселлером стала его книга о тайном агенте и авантюристе XIX в. Романе Медоксе (впервые издана в 1929 г.), также близкая к декабристской тематике. Показательно, что эта работа активно переиздавалась уже в близкую нам эпоху – можно назвать публикации 1991 и 2000 гг.¹⁵ Существует даже аудиокнига, созданная в 2008 г.¹⁶ Книга о Медоксе написана очень увлекательно и наполнена основанными на источниках захватывающими фактами, но концептуально, конечно, она не только не соответствует научному декабристоведению, но и сильно диссонирует со ставшим привычным и прочно утвердившимся со второй половины 1950-х гг. историческим академизмом, принятым и в научно-популярной литературе. Впрочем, у серьезных ученых концепции С.Я. Штрайха всегда вызывали много вопросов, например М.К. Азадовский даже ввел понятие «à la Штрайх» (например, «безудержная гипотеза à la Штрайх», комментарий «à la Штрайх»)¹⁷. Но в 1990–2000-е гг. переиздание работ Штрайха, как говорится, пришло ко двору. Так, известные доселе достаточно узкому кругу специалистов источники и гипотезы входили в популярный круг чтения в новую переходную эпоху, формируя непрезентабельные читательские интересы в области истории¹⁸.

Но в целом повторим, что С.Я. Штрайх, чтобы составить о нем объективное представление как об историке и литераторе, заслуживает отдельного изучения. Приведем в пример очерк «Штрайх незаметный» К.Л. Зелинского, где создан позитивный образ ученого, самоотверженно преданного своему делу, лично скромного человека. Кстати, из воспоминаний К.Л. Зелинского, приводящего слова С.Я. Штрайха, следует, что сам он позиционировал себя именно как библиограф и комментатор: «Это писателям, беллетристам можно выдумывать, мне это запрещено. Мы – люди маленькие. Мы – комментаторы. Нам приходится добывать справки, проверять даты, рыться в книгах <...>. Мы библиографы, комментаторы, мы помним о других. Но сами вряд ли имеем право на память о себе»¹⁹. И как раз именно из-за

¹³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 427. Штрайх Соломон Яковлевич (1907–1957).

¹⁴ Штрайх С.Я. Книги и статьи. 1903–1930: библиографический список. М., 1930; Юрьева Н.В. С.Я. Штрайх: книги и статьи. 1903–1946: библиографический список. М., 1946.

¹⁵ См., например: Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 2000.

¹⁶ Штрайх Соломон – Медокс Роман. Похождения русского авантюриста XIX века [Электронный ресурс] // URL: https://archive.org/details/theory_emailna_006 (дата обращения: 25.08.2025).

¹⁷ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 197, 217.

¹⁸ В связи с вышесказанным стоит отметить, конечно же, скандальную сторону книги о Романе Медоксе. Изданной С.Я. Штрайхом дневник Медокса как источник требует филигранной работы историка, осторожного анализа и внимательной интерпретации. А тут он оказался буквально «обрушен» на головы неподготовленного читателя, способствуя неверному формированию картины исторического прошлого, взрывая сформированные поколениями советских ученых научные представления о декабризме.

¹⁹ Зелинский К.Л. Штрайх незаметный // Вопросы литературы. 1964. № 1. С. 251–252.

комментария к тому Якушкина С.Я. Штрайх подвергнется резкой критике М.К. Азадовского – в принципе он заденет его самую профессиональную сущность, исследовательскую идентичность.

Интересно, что в переписке М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана перед нами предстает совсем другой Штрайх, с совсем иными профессиональными и человеческими качествами, в чем мы убедимся ниже. Но приведем еще одно мнение – А.А. Ильина-Томича (из комментария к декабристскому двухтомнику М.К. Азадовского), бывшего не столь категоричным в оценках. Он считает, что книга «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» «отнюдь не является худшей публикаторской работой 1950-х гг.», и называет С.Я. Штрайха «одаренным и знающим ученым», а «поверхностность, допущенная им в подготовке изданных в 1951 г. декабристских книг <...> видимо, была обусловлена обилием заказов <...>. Последнее издание Штрайха – том Пущина (Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956), изучению которого ученым отдал несколько десятилетий, – отличается несравненно более высоким научным уровнем, хотя и оно не свободно от существенных текстологических недостатков»²⁰. Интенсивность работы С.Я. Штрайха и отмеченное «обилие заказов» как раз в период работы над томом Якушкина подтверждает тот факт, что 5 июля 1950 г. издательством АН СССР ему была дана отсрочка сдачи этой книги²¹.

Впрочем, можно предполагать, что востребованность Штрайха во многом была искусственной, построенной на его личной активности. Ю.Г. Оксман приводит интересный факт, как на самом деле развивались события при начале работы над собранием сочинений И.Д. Якушкина. Вот что он сообщал М.К. Азадовскому 2 декабря 1951 г.: «Не помню, писал ли я Вам, что записку об издании Якушкина подавал в РИСО Б.Е. Сыроечковский, но вместо ответа из РИСО получил он года полтора назад “частные сведения”, что предложение его на ходу перехватил референт С.Я. Штрайх»²².

Ученых уровня Оксмана и Азадовского со Штрайхом разделяло многое не только в области профессиональной деятельности, но и человеческих качеств. Например, в письме к Ю.Г. Оксману от 20 февраля 1952 г. М.К. Азадовский, находившийся в крайне сложном материальном положении, иронично рассуждает о том, как С.Я. Штрайх ловко увеличивает «перепечатками» свои печатные листы и, соответственно, гонорары, и сравнивает их со своими скромными доходами от публикаций: «Может быть, это говорит во мне зависть? <...> Ну в самом деле, как не завидовать ловким мальчикам вроде Бори Мейлаха и Мони Штрайха!!»²³.

Марк Константинович Азадовский: декабристоведение как форма научной реабилитации. М.К. Азадовский (1988–1954) – авторитетнейший ученый: фольклорист, литературовед, историк, не нуждающийся в представлении, его имя составляет славу отечественной науки. Нас в первую очередь интересует Азадовский-декабристовед – очень тонкий исследователь, один из корифеев направления изучения декабризма в первой половине XX в. Им создана целая отрасль декабристоведения, он был ученым, глубоко знавшим именно сибирский период истории движения декабристов, сибирскую ссылку «первенцев свободы». По мнению С.В. Житомирской, именно М.К. Азадовский принадлежит к «плеяде советских исследователей движения декабристов, создавших в 1920–1950-х гг. фундаментальную концепцию движения и опубликовавших много ценных документальных материалов», и занимает в ней «значительное и в высшей степени своеобразное место»²⁴. Казалось бы, от его голоса вполне могла зависеть судьба не только издания, но и самого составителя – С.Я. Штрайха. Но все было не так просто. В этот период М.К. Азадовский стал жертвой кампании борьбы против космополитизма – в 1948–1949 гг. он был уволен из Ленинградского университета, где заведовал кафедрой фольклора, а также и из Пушкинского дома. Увольнению сопутствовали унизительные и разрушительные для здоровья «проработки»,

²⁰ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма.... Т. 1. С. 433–434.

²¹ ОР РГБ. Ф. 427. Карт. 2. Д. 13. Л. 1.

²² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 237.

²³ Там же. С. 252–253. Мейлах Б.С. (1909–1987) – пушкинист, д-р филол. наук, лауреат Сталинской премии.

²⁴ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 3.

критика на ученых советах, снятие публикаций с печати, разгромные рецензии на научные труды – суммарная «кампания на уничтожение», после которой испытанное «репрессивное» и «социальное давление» продолжало ощущаться ученым долгие годы вплоть до конца жизни²⁵.

Лишенный возможности заниматься фольклористикой, Марк Константинович вновь сосредоточил весь свой научный потенциал на изучении движения декабристов, вернувшись к теме, которой был увлечен еще в 1920-е гг. С.В. Житомирская пишет: «Новое обращение его к исследованию декабризма принесло счастливейшие для отечественной науки плоды. Всего за пять лет (1949–1954) из-под его пера с поразительной быстротой и плодотворностью вылился каскад исследований, окончательно вписавших Азадовского в классику советской историографии декабризма. Как ни прочно уже в 20-е и 30-е гг. утвердились в ней его имя, именно эти труды ввели его в первый ряд декабристоведов»²⁶. Его работы о М.А. Бестужеве, К.Ф. Рылееве, М.К. Кюхельбекере и, конечно же, знаменитый обзор «Затерянные и утраченные произведения декабристов» в начале 1950-х гг. публиковало «Литературное наследство». Отдельным изданием вышли «Воспоминания Бестужевых» (в тех же «Литературных памятниках», что и том Якушкина) и, наконец, уже после смерти М.К. Азадовского документальное издание «Декабристы. Новые материалы» (редактор)²⁷.

В общем-то, как это ни парадоксально звучит, большим счастьем для декабристоведения оказалось то, что М.К. Азадовский через свое несчастье вернулся в эту отрасль исторической науки, одновременно задавая высокую планку своими исследованиями, обогащая и развивая направление. Иначе пути декабристоведения, возможно, пошли бы совершенно в ином направлении и оно вряд ли превратилось в одну из ведущих тем советской историографии и базовую площадку для изучения всего периода первой половины XIX в.

Предыстория появления рецензии на «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина». 10 марта 1951 г. «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» были подписаны к печати. Надо полагать, что тираж был готов примерно в августе – начале сентября. По крайней мере уже к 27 сентября 1951 г. М.К. Азадовский ознакомился с новым изданием сочинений Якушкина – возможно, это произошло даже ранее – и сразу же впечатление от работы С.Я. Штрайха сложилось вполне определенное. Марк Константинович заканчивал подготовку «Воспоминаний Бестужевых» в этой же серии «Литературные памятники» и невольно сравнивал свои труды с уже вышедшим «декабристским» томом: «Мои Бестужевы идут по второй корректуре. Дней через пять сдаю. Мучаюсь над проблемами словаря. У Штрайха все это просто и ясно, а мне так не сделать», – с иронией писал он Ю.Г. Оксману 4 сентября 1951 г.²⁸

Очевидно, уже после сдачи в печать своей книги М.К. Азадовский получил возможность обстоятельнее ознакомиться с работой «предшественника» и снова, но уже возможно, писал Ю.Г. Оксману: «Видели ли Якушкина Штрайховского? Экий рецидив давних времен. Комментировать Якушкина и ни слова в комментариях не сказать ни о Московском заговоре, ни о заседании в Каменке и, по существу, скрыть от читателя все острые вопросы, связанные с этими рассказами, и поднятую ими полемику»²⁹. «У Вас руки чешутся на Якушкина», – отвечал ему Ю.Г. Оксман, как бы предвосхищая будущее рецензирование³⁰.

А вот еще одно мнение М.К. Азадовского об общем уровне комментирования С.Я. Штрайха (при издании последних эго-документов М.С. Лунина), с досадой высказанное во время работы над одной из научных статей в конце 1951 г.: «Неожиданные трудности

²⁵ Колеватов Д.М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского 1940-е гг.) // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 121, 131.

²⁶ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 26.

²⁷ Хронологический список печатных работ М.К. Азадовского за 1944–1956 гг. // Литературное наследство. 1956. Т. 60, № 1. С. 644–646.

²⁸ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 209.

²⁹ Там же. С. 211.

³⁰ Там же. С. 213.

возникли с Лунином (опять <...> тот же автор под ногами болтается) – это ужасно, до чего все напутано и запутано и никакой предварительной текстологической работы. Не могу же я сам из-за одной странички заново обращаться к рукописным текстам и архивным материалам»³¹. Из чего можно заключить, что подготовленные к печати и изданные Штрайхом тексты были вообще непригодны для научной работы, особенно для добросовестных исследователей – ими было невозможно пользоваться без архивной проверки. Здесь встает принципиальный вопрос о целесообразности подобных публикаций, бесполезных для учебных и науки, искажающих картину прошлого. Если же они предназначены лишь для массового читателя, причем очень нетребовательного, то и в популярной литературе необходим высокий научный уровень, формирующий читательскую культуру.

И, наконец, еще одно суждение М.К. Азадовского – на этот раз непосредственно о комментарии С.Я. Штрайха, высказанное при разборе подготовленного им трехтомника «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов» (ред. И.Я. Щипанов, 1951), который Марк Константинович называет «гениальной халтурой»: «И что это за стиль, обычно стиль его комментариев вульгарно-пошловатый»³². С.В. Житомирская считает, что появление вышеуказанного трехтомника «с еще более поверхностным и тенденциозным комментарием» дополнительно усилило негативное впечатление от издания записок Якушкина³³. Вот что писал М.К. Азадовский Ю.Г. Оксману 27 декабря 1951 г. по свежим впечатлениям от прочтения труда Щипанова-Штрайха: «Только что имел счастье и удовольствие ознакомиться с очередной халтурой декабристоведческого фронта. <...> Ну Щипанов как Щипанов!! С него и взятки гладки, но Штрайх, Штрайх... Ведь когда-то он знал же что-то, чему-то учился, что-то читал. Вы только бегло полистайте сборник. “Устав Благоденствия” помечен среди памятников “Северного Общества”, “Манифест 14 декабря” объявлен индивидуальным творением Трубецкого, в число философских и соцполитических памятников включены “Подблюдные песни” и “Ноэли” <...> Короче говоря, книги Мейлаха по сравнению с этим трудом – Кант и Гегель вместе, а сам он вроде как академик на кафедре декабристоведения»³⁴. Но, конечно же, особо Марк Константинович «прошелся» по комментарию: «О комментариях говорить не приходится; их просто нужно взять в кавычки. Во какой двойной смысл нечаянно получился!! Самому нравится»³⁵. В письме от 20 февраля 1952 г. М.К. Азадовский пишет о ненужных сведениях, загружающих комментарий в ущерб конкретизирующей информации, необходимой для публикации источника – и все это для того, чтобы показать «глубоко-эрудированные соображения комментатора». Также он выделяет следующие грубейшие недостатки: неправильное толкование и использование цитат, передергивание фактов, ложные сведения о том, что источники публикуются впервые, неумение расшифровать сокращения личных имен, а также саму форму подачи комментария (уже упомянутую «вульгарно-пошловатую»)³⁶.

Здесь мы имеем дело с прямой констатацией общего падения уровня декабристоведения в тот период. М.К. Азадовский выражает профессиональное негодование, переходящее в возмущение от «халтуры» и профанации науки, отмечает небрежность и неряшливость публикаторской работы и комментария, ведущих к искажению исторического знания. Стремление действовать и пресечь негативные явления у М.К. Азадовского со временем только нарастало и искало своего выхода, что неожиданно представилось в возможности опубликовать рецензию на другую работу С.Я. Штрайха. Обратим внимание и на такую деталь – под огнем критики Марка Константиновича оказались те ученые, кого не коснулась волна кампаний против космополитизма, но они, как видим, свободно «творя» и обладая практически монополией на публикации, задавали далеко не лучший уровень в науке. Вернувшись в декабристоведение и вновь проявив себя на этом поприще, воссоздав свою исследо-

³¹ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 242–243.

³² Там же. С. 252–253.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 242.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 253.

вательскую нишу, М.К. Азадовский занял активную научную позицию и буквально стал бить тревогу.

Появлению рецензии предшествовало обсуждение нового издания наследия И.Д. Якушкина в профессиональных кругах. Посмотрим подробнее, как отразились мнения в переписке М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана. Это важно для того, чтобы составить непосредственное мнение ученых об издании, ведь за академической вершиной, которой является печатная рецензия, скрывается масса суждений и критики, порой очень острой. Прежде всего сам Юлиан Григорьевич после знакомства с новой книгой в таких словах описал свое впечатление, впрочем, отдав должное удачной композиции тома: «А “Записки Якушкина” перелистал только сейчас – “гроб с музыкой”! Очень импозантно, местами даже остроумно скомпоновано, но по существу комментарий на уровне до 1925 г.! А заметили ли вы полное игнорирование не только работ, но и самого имени С.Н. Чернова? Да уж где тут говорить даже об “оттенках” благородства! 72-летний куртизан Штрайх расшалился не по годам!»³⁷. Ю.Г. Оксман усилил критику С.Я. Штрайха после знакомства с «Воспоминаниями Бестужевых» М.К. Азадовского, справедливо полагая, что новый том «Литературных памятников» затмил предыдущий: «С увлечением, не отрываясь, прочел Вашу статью, в которой и поставлено, и разрешено столько интереснейших вопросов в историческом и литературоведческом плане. Примечаниями Вашими я очень удовлетворен. Да, бедному Штрайху, старому куртизану, должно быть сейчас не по себе! До выхода Бестужевых он был именинником – Базановы и Мейлахи так уронили качество работы над декабристским материалом, что Штрайх показался авторитетным ученым. Но сейчас от этого ветхого Адама только перья останутся!»³⁸.

Тема возмущения пренебрежением к наследию С.Н. Чернова будет и дальше фигурировать в переписке, нарастая и оформляясь, и, конечно же, появится и на страницах самой рецензии М.К. Азадовского. Но тот накал, который есть в письмах, конечно, найдет очень сдержанное отражение в публикации, где будет указано на отсутствие комментария по поводу отставки полкового командира П.Х. Граббе в контексте борьбы правительства с тайным политическим обществом за армию, хотя этот вопрос был тщательно проработан С.Н. Черновым: «Как писал прекрасный знаток и комментатор “Записок” Якушкина покойный профессор С.Н. Чернов, “поражение Граббе в 1822 г. было поражением тайного общества и подготовило великий разгром 1825–1826 гг.”»³⁹. А вот что думал Марк Константинович на самом деле: «Отношение Штрайха к имени Чернова – это уже не “куртизанство”, а самый обыкновенный бандитизм. Это месть из-за угла покойнику за когда-то одну или две беспощадные рецензии. Неужели никто из рецензентов не заметит этой мелкой пакости и не разоблачит, раскрыв причину?! И это по отношению к человеку, погибшему в фашистском застенке!»⁴⁰. Тогда М.К. Азадовский еще не знал, что ему самому предстоит стать рецензентом работы Штрайха – рассматривалась предварительная возможность рецензирования нового издания И.В. Порохом, о чем Ю.Г. Оксман с одобрением писал: «Если рецензию будет писать И.В. Порох, то старому куртизану не поздоровится»⁴¹.

С.В. Житомирская, анализируя материалы переписки М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана и сравнивая два тома «Литературных памятников» (якушкинского и бестужевского), подводит черту под обсуждением комментария к изданию сочинений и писем Якушкина: «Мемуарный памятник выдающегося значения был издан, однако на совершенно ином уровне. Комментарий Штрайха столь значительно отличался по своим приемам от принципов, выдвигавшихся Азадовским, что не мог не вызвать у последнего острого протеста. Близка к этому была и реакция Ю.Г. Оксмана»⁴².

³⁷ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 228–229.

³⁸ Там же. С. 231. Базанов В.Г. (1911–1981) – литературовед, пушкинист, с 1962 г. член-корр. АН СССР и директор Пушкинского дома.

³⁹ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 255–256.

⁴⁰ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 234.

⁴¹ Там же. С. 237. Порох И.В. (1922–1999) – д-р ист. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

⁴² Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 37.

Обстоятельства появления рецензии. Хотя «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» вышли из печати примерно в середине 1951 г.⁴³, но за весь последующий год, как отмечает М.К. Азадовский, издание «почему-то <...> не обратило на себя внимания критики и не вызвало ни одной рецензии»⁴⁴. В действительности здесь было о чем поговорить, и это не являлось секретом, а рецензии долго не появлялось потому, что, очевидно, никто на нее не решался, учитывая связи и «высоких покровителей» С.Я. Штрайха. И вот Марку Константиновичу было суждено восполнить этот пробел. В журнале «Новый мир» за март 1953 г. в разделе «Книжно-журнальное обозрение» вышла его критическая публикация. Обратим особое внимание на тот факт, что журнал является литературным, а не научным, а раздел посвящен по большому счету литературным новинкам. Такая градация относила «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» к разряду именно литературных, а не чисто исторических изданий. Это направление учитывал Марк Константинович при рецензировании, подчеркивая в письме к Ю.Г. Оксману от 24 декабря 1952 г., что его работа появится именно в «общем журнале», а не научном⁴⁵.

Название рецензии тоже заслуживает внимания – «Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним»: читателю сразу же давалось понять, что рецензент рассмотрит значение выхода в свет сочинений декабриста отдельно от их комментирования публикатором и особо поставит проблему научного комментария. В самом деле, почему за целый год, прошедший после столь заметной публикации, вышедшей в свет в столь заметной академической серии, не последовало ни одного отклика? В самом названии М.К. Азадовский дал ответ на вопрос – проблема заключалась именно в оценке научного комментирования издания. Необходима была серьезная и «решительная» рецензия, острыя и, может быть, даже в определенном смысле разгромная.

История появления рецензии достаточно интересна. Первоначально Марк Константинович не мог предполагать, учитывая свое положение, что ему позволят высказаться в печати по поводу «штрайховского» Якушкина – мы уже отчасти показали это на материале цитированной переписки. Он сам находился под серьезным ударом критики и был против нее практически беззащитен. С.В. Житомирская отмечает: «Даже в 1954 г. в несколько изменившихся условиях и после выхода уже в свет 59-го тома “Литературного наследства” с рядом замечательных работ Азадовского “репутация”, созданная в 1949 г. официозной травлей, еще не рассеялась»⁴⁶. М.К. Азадовский в процессе работы над «Воспоминаниями Бестужевых» столкнулся с резкими и необъективными оценками внутренних рецензентов, а сам выход книги омрачила тенденциозная рецензия Н.М. Онуфриева на его другой труд «Белинский и русская народная поэзия»⁴⁷. Но это было еще не все – в то время, когда истинная научная общественность и читатели восхищались «Воспоминаниями Бестужевых», на них последовала разгромная статья писательницы М.Д. Марич, опубликованная менее чем через год после выхода книги в русле продолжения кампании борьбы с космополитизмом⁴⁸. «Рецензия мадам Марич причинила мне, конечно, немало горьких минут», – писал М.К. Азадовский Ю.Г. Оксману 16 октября 1952 г.⁴⁹ Обе отрицательные рецензии на работы М.К. Азадовского опубликовал все тот же «Новый мир»⁵⁰. И.В. Порох в начале 1952 г. собирался дать свою положительную рецензию на «Воспоминания Бестужевых», планируя опубликовать ее в критико-библиографическом журнале «Советская книга», но публикация не состоялась. М.К. Азадовский считал, что это даже к лучшему, потому что была опасность,

⁴³ В рецензии М.К. Азадовский пишет, что том Якушкина вышел в конце 1951 г. – это неверно; в конце 1951 г. вышли его собственные «Воспоминания Бестужевых». Издание, подготовленное С.Я. Штрайхом, увидело свет раньше.

⁴⁴ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 253.

⁴⁵ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 294.

⁴⁶ Житомирская С.В. М. К. Азадовский – историк декабризма... С. 35.

⁴⁷ Там же. С. 36.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 281.

⁵⁰ Онуфриев Н. Изучение литературного наследства Белинского // Новый мир. 1951. № 9. С. 217–222; Марич М. Воспоминания декабристов // Новый мир. 1952. № 9. С. 281–284.

что после редактирования Н.Ф. Бельчикова⁵¹ из рецензии исчезнет «все сколько-нибудь» для него «лестное», а останется лишь оценка «самого памятника как такового и те критические замечания, которые найдет нужным сделать рецензент, придав тем всей рецензии иную окраску»⁵².

После выхода рецензии М.Д. Марич М.К. Азадовский все же нашел в себе силы бороться и написал в свою защиту статью-опровержение в редакцию «Нового мира», которую заместитель главного редактора А.К. Тарасенков даже не прочитал по получении. Только после вмешательства академика Н.К. Гудзия Тарасенков выразил М.К. Азадовскому «“глубокое сожаление” по поводу “несомненно ошибочной рецензии”», распорядившись «написать Марич письмо от редакции с осуждением ее метода»⁵³. Что это было, вернее, какие процессы, невидимые простому глазу, крылись за этими событиями? Можно предположить, что кампания борьбы с космополитизмом наконец-то близилась к финалу, и тем, кто от нее пострадал, предоставлялась возможность постепенной реабилитации. Видимо, поняв, что подобное шельмование ученого уже превосходит все нравственные пределы (на дворе осень 1952 г.) и начинает напоминать оголтелую травлю, уместную еще несколько лет назад, но нежелательную в данный момент, что не делает чести изданию, редакция «Нового мира» решила дать слово самому М.К. Азадовскому, но не ответное, а возможность самому стать критиком. С.В. Житомирская так освещает эту историю, отталкиваясь от ситуации с критиканством М. Марич и называя его «неприкрытым доносом»: «Рецензия эта, однако, не успела вызвать серьезные последствия и, в частности, помешать дальнейшей публикации работ Азадовского. Более того, поняв, по-видимому, ошибку, допущенную с напечатанием рецензии М. Марич, редакция “Нового мира” (А.К. Тарасенков) сочла нужным дать ему возможность выступить на страницах журнала со своей рецензией – на этот раз на новое издание сочинений и писем И. Д. Якушкина»⁵⁴.

Вот как М.К. Азадовский описывает итоги своего визита в редакцию «Нового мира» и общения с А.К. Тарасенковым: «...“Опровержение” напечатать, конечно, отказался, предложив мне взамен этого выступить в ближайшее время в их журнале с какой-либо рецензией. Это будет, – сказал он, – как бы заявлением редакции, свидетельствующем о ее отношении к Вам (т.е. ко мне). Ну что делать? “Для бедной Тани все были жребии равны”. Я согласился. Решил написать рецензию на “Якушкина”, т.е. на обштрайхованного Якушкина»⁵⁵. Сегодня стоит только констатировать то, какую пользу для науки принесло данное стечние обстоятельств, при этом очень драматичное для М.К. Азадовского. Появление подобной рецензии должно было способствовать остановке вала недобросовестных и слабых в научном отношении публикаций источников в декабристоведении. Но так как сами публикаторы занимали прочное место в научном бомонде начала 1950-х гг., рецензент должен был обладать определенной смелостью – именно это и имел в виду М.К. Азадовский, говоря о «равных жребиях». Возмущение ученых, зафиксированное в переписке Ю.Г. Оксмана и М.К. Азадовского, можно рассматривать как подготовительную площадку для борьбы, и с позиций сегодняшнего дня можно только приветствовать эту критическую инициативу, необычайно полезную для развития научных исследований в декабристоведении.

А.А. Ильин-Томич отмечает резкую критику Ю.Г. Оксмана, выраженную в письмах рубежа 1951–1952 гг., где он, не стесняясь резкости оценок, называет публикации Штрайха «воздушным пирогом» с опорой на «клей, ножницы и вдохновение», а также приводит целый «перечень исследователей, выступивших в 1950–1951 гг. составителями декабристских антологий», называя их «гангстерами», которых необходимо «проучить»⁵⁶. К сожалению, в то время возможностей для активного рецензирования у притесняемых

⁵¹ Бельчиков Н.Ф. (1890–1979) – литературовед, член-корреспондент АН СССР, в 1949–1955 гг. директор Пушкинского дома.

⁵² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954... С. 253.

⁵³ Там же. С. 281.

⁵⁴ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 36–37.

⁵⁵ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 281.

⁵⁶ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма... Т. 1. С. 431.

М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана не было. Так, например, А.А. Ильин-Томич приводит сведения, что в архиве Азадовского сохранились черновики неопубликованной рецензии на подготовленное Б.С. Мейлахом издание стихотворений В.К. Кюхельбекера, вышедшее в Ленинграде в 1951 г. (серия «Библиотека поэта»)⁵⁷. Здесь же приведена выдержка из письма «молодого декабристоведа» (вероятно, речь идет об И.В. Порохе, близком Оксману и Азадовскому) с сожалением о том, что Марк Константинович не может выступить в печати с критикой Б.С. Мейлаха и В.Н. Орлова⁵⁸. А это было бы совсем не напрасным – даже сегодня вал тех публикаций продолжает играть свою негативную роль: во-первых, из-за объема и внешней внушительности изданий создана и продолжает жить иллюзия, что в декабристоведении уже давно все изучено и опубликованы все источники (многие декабристоведы, особенно молодые, часто живут в плену этого мифа, что же говорить об историках других специализаций?), на самом же деле это не что иное, как компилятивные издания и републикации, к тому же небезупречные в плане текстологии и научного комментария; во-вторых, все эти фолианты, изданные в середине прошлого века, сегодня требуют переиздания в соответствии с современными правилами публикации исторических источников, научного комментария и текстологии.

Возвращаясь к предыстории появления рецензии на том Якушкина, мы видим, что М.К. Азадовский имел выбор для темы рецензирования, но остановился на «общетрайхованном Якушкине», потому что именно в этой книге «Литературных памятников», как дополнительно доказывает его личная переписка, сконцентрировались самые вопиющие проблемы научного комментирования источников. М.К. Азадовский как ученый не мог больше терпеть такого положения – было необходимо обратить внимание научной общественности на опасную тенденцию. Вслед за рецензией И.В. Пороха на штрайховский трехтомник это могло бы послужить началом для больших перемен в декабристоведении⁵⁹. Но понимал ли М.К. Азадовский, что этой рецензией может поставить себя под новый удар? На наш взгляд, безусловно.

Еще раз подчеркнем, что, публикуя рецензию, Марк Константинович, пусть времена и начали меняться и кампания борьбы с космополитизмом пошла на спад, все равно серьезно рисковал. К тому же он находился в крайне зависимом от редакции положении, которое исчерпывающе охарактеризовал в цитированном выше письме к Ю.Г. Оксману⁶⁰. Нужно было проявить немало профессионального мастерства, чтобы рецензия состоялась и из нее не убрали самое важное, чтобы сохранить ее смысл и научное значение, чего опасался даже Ю.Г. Оксман. Накануне сдачи рецензии в журнал М.К. Азадовский написал ему: «...Почему это Вы <...> думаете, что мне не преодолеть хитроумной халтуры Штрайха? Впрочем, может быть, Вы и правы, но попытаться надо. Трудно сделать это в пределах, которые отводятся в журнале для таких рецензий. Не знаю, найду ли соответственный тон»⁶¹. Но тем не менее из чувства научного и профессионального долга он не отказался от рецензирования, он просто не мог пойти на этот отказ.

С другой стороны, М.К. Азадовский при всем своем критическом отношении к фигуре Штрайха никогда не стал бы давать «разгромную» рецензию, если бы не был уверен в безусловной правильности своего шага во имя науки, если бы издание сочинений и писем И.Д. Якушкина было малоуязвимым для критики. Книга же получилась такой, что Марк Константинович как ученый не смог промолчать и был необычайно тверд в своей позиции. Хотя, впрочем, даже в этой ситуации для него был серьезный риск – его могли просто перестать печатать уже как декабристоведа, и сам он прекрасно это понимал, но долг и мужество ученого победили. «Этой рецензией, вероятно, надолго окончится мой новый роман с декабристами, – писал А.К. Азадовский Ю.Г. Оксману 9 ноября 1952 г. – И очень-очень

⁵⁷ Азадовский М.К. Страницы истории декабризма... Т. 1. С. 431.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Порох И.В. Рецензия: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. I–III // Советская книга. 1952. № 5. С. 76–83.

⁶⁰ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 281.

⁶¹ Там же. С. 285.

скорблю об этом. Я сейчас так прочно вошел в эту тему, так вжился в этот мир, что мне ни о чем другом и думать не хочется»⁶². И в другом письме от 26 ноября того же года: «Рецензию написал и отправил. Не знаю, угодил ли редакции и угоджу ли моим судьям <...>. Штрайху, конечно, она не понравится, но этого еще мало»⁶³. «Безответственные, безграмотные молодцы»⁶⁴ должны были получить отпор, а в науке – восторжествовать иные принципы. Именно об этом говорит М.К. Азадовский.

Отметим и тот момент, что при написании рецензии в принципе и не могло быть «ничего личного», хотя переписка Оксмана и Азадовского наполнена ироничными оценками С.Я. Штрайха, и не только как ученого. Тонкого и глубокого исследователя Азадовского Штрайх мог раздражать исключительно своей научной недобросовестностью. Своей рецензией М.К. Азадовский, конечно же, не мог отлучить оппонента от литературной и публикаторской деятельности и тем более причинить ему какие-либо неприятности – скорее, рецензент мог пострадать сам. Но он не смог промолчать, потому что искренне считал С.Я. Штрайха крайне непрофессиональным публикатором и поверхностным исследователем, наносящим науке и в частности декабристоведению настоящий вред. И даже после отправки своей критической статьи в журнал М.К. Азадовский продолжал волноваться (из письма к Ю.Г. Оксману от 24 декабря 1952 г. с приложением еще не опубликованной рецензии): «Рецензия считается принятой и должна быть помещена во 2-м №. Но будет ли так – не вполне уверен. Рецензию можете показать Игорю Васильевичу (И.В. Пороху. – Е. Т.), но, ради Бога, больше никому и, главное, никому о ней ни слова, чтобы раньше времени не узнал Штрайх и не принял своих мер. А Вы знаете его энергию и всесторонние способности»⁶⁵.

Рецензия: критика, идеи и принципы. Ю.Г. Оксман, высоко оценивший присланную ему для прочтения М.К. Азадовским рецензию («Замечательно написано, – я давно не читал ничего серьезного, написанного с таким литературным блеском»), все же не безосновательно опасался и даже порой «не сомневался в том», что рецензия может так и не выйти в свет под предлогом того, что «в “Новом мире” не захотят в последний момент откликаться на книгу 1951 г.»⁶⁶. Но тем не менее в марте 1953 г. в журнале «Новый мир» была опубликована рецензия М.К. Азадовского «Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним». Итак, издание «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина», подготовленное С.Я. Штрайхом, наконец-то получило официальную критическую оценку.

Эта критическая статья, которую по праву можно считать практически разгромной, обличала вместе с конкретными положениями, принципами комментирования и саму методологию Штрайха, «вышедшего» из историографии 1920-х гг. Хотя не будем забывать о том, что положение М.К. Азадовского вынуждало его «быть максимально сдержаным», а специфика журнала не позволяла поднять «целый ряд проблем», кроме того, он был ограничен требованием малого объема своей публикации⁶⁷.

Рассмотрим отдельные положения и главные тезисы М.К. Азадовского.

Прежде всего, он не сомневается в необходимости фундаментального издания «Записок» и в первой части своей рецензии пишет об исключительном положении воспоминаний И.Д. Якушкина во всем комплексе декабристской мемуаристики: «Нет других мемуаров, в которых бы так выпукло, отчетливо и правдиво было показано формирование мировоззрения деятелей декабризма»⁶⁸. Важный момент – М.К. Азадовский называет записи Якушкина «повествованием», в котором есть и проникновенность, «и стиль»,

⁶² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 285.

⁶³ Там же. С. 289.

⁶⁴ Там же. С. 203.

⁶⁵ Там же. С. 294.

⁶⁶ Там же. С. 296, 309.

⁶⁷ Там же. С. 293.

⁶⁸ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 253.

и «идейная направленность», и вообще это «замечательный литературный и исторический памятник»⁶⁹.

На первых страницах рецензии М.К. Азадовский даже хвалит Штрайха за столь монументальную работу по изданию наследия И.Д. Якушкина. Начало разбора выдержано в положительных тонах, не предвещающих бури, автор крайне деликатен и корректен. М.К. Азадовский дает понять, что самым первым в научно-литературном мире высказывается о значении подготовленного тома, объективно оценивая значение публикаторской работы С.Я. Штрайха. Марк Константинович выражает справедливое удивление, что издание, вышедшее из печати в 1951 г., до сих пор (т.е. практически полтора года) оставалось незамеченным критикой.

М.К. Азадовский отмечает удачную структуру издания, подчеркивая, что оно «выполнено с большой тщательностью» и «с такой полнотой наследие Якушкина еще не было представлено». Но вместе с тем и здесь есть замечания – он пеняет публикатору на то, что не включены такие ценные источники из «якушкинского архива», как отрывки из дневников декабриста 1812 г. и «сохранившиеся страницы интереснейшего (до сих пор неопубликованного) дневника жены декабриста – А.В. Якушкиной»⁷⁰.

Следующий момент – публикация источников. М.К. Азадовский пишет, «что тексты заново выверены по подлинникам (в чем лично у нас есть большие сомнения. – *E. T.*), однако встречаются досадные недосмотры». К ним относятся фактические неточности в передаче текстов, вызванные недостаточно тщательной проверкой по рукописи, также «не вполне оправдано и стремление редактора модернизировать язык Якушкина», к тому же «крайне неравномерно»⁷¹. И с этими замечаниями невозможно не согласиться, хотя, на наш взгляд, здесь М.К. Азадовский воздержался от резкой критики, направив свой дальнейший удар на комментарий. Это была своеобразная «подготовка» читателя к основной части рецензии.

По мнению М.К. Азадовского, воспоминания Якушкина не только правдивый документ по истории декабризма, но и памятник литературы XIX в., а значит, предмет массового популярного чтения. Следовательно, задачей публикации было сделать его доступным широким кругам читателей. Но этого мало – подобное издание всегда должно быть снабжено научным комментарием, ведь вторая составляющая концепции издания – публикация источника, исторического документа. И если у массового непрофессионального читателя, которого интересует только литературная сторона издания, комментарий вопросов не вызывал, только в том случае, пожалуй, если были не прокомментированы какие-то моменты, которые следовало бы пояснить (например, исторические события, персоналии), то у профессиональных историков и литературоведов комментарий Штрайха справедливо вызвал очень много вопросов. В целом нельзя не сказать, что этот комментарий очень подробен до такой степени, что иногда переходит в самостоятельное повествование. В то же время мы можем отметить совершенно непрокомментированные фрагменты, просто вопиющие об объяснении и трактовке, обойденные дилетантским молчанием, что, конечно же, с научной точки зрения недопустимо, тем более при внешней подробности и мнимой обстоятельности.

М.К. Азадовский отмечает объем комментария («свыше 12 печатных листов»), для начала по правилам рецензирования похвалив С.Я. Штрайха за отказ от комментирования «по собственным именам» и стремление «комментировать самый текст, разъясняя и поясняя отдельные места», «отмечая в ряде случаев фактические ошибки автора», а некоторые комментарии, по его мнению, «прочтутся, несомненно, с большим интересом»⁷². Но на этом положительные оценки, свидетельствующие о стремлении М.К. Азадовского быть максимально объективным, исчерпываются, и он переходит к резкой критике, заявляя, что в целом

⁶⁹ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 253.

⁷⁰ Там же. С. 254.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 255.

весь «обширный комментарий» «представляется недостаточно организованным, а порою и просто случайным»⁷³.

Вот какие основные ошибки и недопустимые недочеты комментирования С.Я. Штрайха выделяет М.К. Азадовский:

- не исправлены хронологические ошибки, встречающиеся в текстах;
- подробно рассказано об исторических фигурах, не имеющих «никакого отношения к тексту “Записок” или писем Якушкина» при одновременной краткости информации и «явно недостаточном внимании» к тем, кто упоминается в источниках;
- оставление вообще без комментирования и разъяснения ключевых эпизодов «Записок», имеющих важнейшее значение в контексте истории движения декабристов (рассказ о М.П. Бестужеве-Рюмине и его приезде в Москву в 1823 г.; рассказ «об отнятии полка» у П.Х. Граббе, связанный с борьбой декабристов «за армию» и подготовкой будущего разгрома тайных политических обществ; рассказ о московском совещании Союза благоденствия в 1821 г.);
- подробные биографические справки об отдельных декабристах без упоминания их деятельности в декабристских организациях (например, о М.Ф. Орлове);
- искажение фактов, например о роли священника П.Н. Мысловского в деле декабристов;
- отсутствие объяснения противоречий «между мемуарами Якушкина и его показаниями»;
- игнорирование научной литературы по декабристоведению, вклада многих исследователей в разработку затрагиваемых в комментарии проблем (особо отмечено пренебрежение научным наследием С.Н. Чернова)⁷⁴.

Но корень всех недостатков и просчетов С.Я. Штрайха лежит, конечно же, в сфере его методологии, неумении критиковать и сопоставлять источники, и это общая беда всего комментария. Критические обвинения М.К. Азадовского становятся очень серьезными – начав с малого, тон его рецензии делается все более резким и разрастается в настоящее обличение: «Кроме значительных пробелов, есть и прямые ошибки. В значительной мере этому содействует и применяемый С.Я. Штрайхом метод: характеризовать того или иного деятеля цитатами из официальных документов (“Алфавит декабристов”, “Донесение Следственной Комиссии” и др.). Таким образом, посредником между текстом мемуаров и современным читателем оказывается не исследователь, вооруженный марксистско-ленинским методом и опирающийся на результаты, достигнутые советскими учеными в области изучения декабристского движения, а какой-либо благонамеренный чиновник или агент III Отделения, или даже сам Николай I»⁷⁵. По мнению М.К. Азадовского, это серьезно искажает истину, что он доказывает на примере рассказа о первом допросе С.И. Муравьева-Апостола, изложенном Штрайхом по письму Николая к Константину: комментатор настолько следует за документом, что полностью лишен критического подхода к источнику, между тем, по другим данным (свидетельство М.И. Муравьева-Апостола), допрос проходил совершенно в иной обстановке («царь Николай с бешеными ругательствами набросился на изнемогающего от ран Сергея Муравьева»)⁷⁶.

В целом М.К. Азадовский отмечает общую «наивность и явную несостоительность» комментария. Наконец, заключительным аккордом рецензии звучит разгромный приговор работе С.Я. Штрайха, а также всей его устаревшей методологии, не впитавшей формирующихся традиций академизма советского декабристоведения, которые активно складывались уже тогда, в том числе благодаря тому же Азадовскому: «Можно привести еще немалое количество неверных и неточных, а также и ненужных объяснений и пояснений, но дело

⁷³ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 255.

⁷⁴ Там же. С. 255–256. В первоначальном варианте рецензии М.К. Азадовский указал, что «Записки» И.Д. Якушкина представляют «скрытую и резкую полемику с Николаем Тургеневым, чего Штрайх не понял, а отдельными примечаниями совершенно искажил сущность дела» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 294).

⁷⁵ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 256.

⁷⁶ Там же.

не в отдельных случаях, а в общей системе комментирования. Необходимо признать, что недочеты данного комментария не являются лишь личными ошибками его автора, но в значительной степени отражают ту методологическую нечеткость (а иногда и просто беспринципность), которая сплошь и рядом проявляется при комментировании мемуаров, писем, произведений классиков и других – исторических и литературных – памятников. Новое издание “Записок” Якушкина особенно наглядно подчеркивает, что приспело время для большого разговора на эту тему”⁷⁷.

Таким образом, в действительности М.К. Азадовский потребовал немало – пресечь «штрайховский» стиль комментирования и публикации источников, поставить ему решительный заслон, чтобы в советской историографии больше не появлялось подобных работ, запретить «методологически нечеткому» и «беспринципному» Штрайху и ему подобнымискажать исторический документ. Заслуживает особого внимания, в том числе и в ракурсе работы современных ученых-историков, своеобразная «декларация комментатора», изложенная М.К. Азадовским в его рецензии, где он излагает свой взгляд на принципы научного комментирования. В связи с чем приведем отклик Ю.Г. Оксмана: «Это не рецензия, а материал для поучения молодых историков и литературоведов – каждое лыко в строку, каждое слово на весу, умно, тонко, “бездна пространства” за каждым положением, брошенным с предельным лаконизмом»⁷⁸. Итак, М.К. Азадовский пишет: «Комментирование мемуаров – задача трудная и ответственная. В мемуарах возможны ошибки памяти, субъективные оценки и т.п. От такого рода ошибок не свободны самые правдивейшие воспоминания, и здесь читателю необходима помочь со стороны комментатора. Последний не имеет права ограничить себя ролью поставщика справочных и дополнительных материалов; он обязан явиться прежде всего исследователем, неизменно критически относящимся и к тексту комментируемого памятника, и к тем материалам, которые он привлекает в своих примечаниях. Кроме того, каждые мемуары выдвигают перед комментатором свои специфические задачи, обусловленные их общим характером и главным образом сущностью политической позиции их автора»⁷⁹.

Само собой, эти принципы можно и целесообразно распространить и на другие исторические источники, прежде всего на эго-документы. Так вот, квинтэссенцией рецензии, на наш взгляд, является вывод М.К. Азадовского, что «этим требованиям комментарий С.Я. Штрайха удовлетворяет лишь в слабой степени»⁸⁰.

Заключение. Как справедливо отмечает С.В. Житомирская, рецензия М.К. Азадовского на «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» сыграла важнейшую роль в совершенствовании приемов комментирования исторических источников и надолго сохранил принципиальное значение»⁸¹. Таким образом, цель, поставленную Марком Константиновичем при подготовке и публикации рецензии, можно считать вполне достигнутой. Но необходимо учитывать, что вышедшая из печати рецензия явилась, в общем-то, «верхушкой айсберга». Ценный дополнительный материал к ее положениям, решительно расширяя ее рамки, дает переписка М.К. Азадовского и Ю.Г. Оксмана, и можно констатировать, что чаще всего объектом критики ученых являлись именно комментарии С.Я. Штрайха, которые, например, М.К. Азадовский в письме от 29 октября 1951 г. называет беспомощными «в историческом плане»⁸².

Наряду с удачной композиционной основой издания сочинений и писем И.Д. Якушкина в серии «Литературные памятники» была и отрицательная сторона публикации – небрежный, лишенный научной основы и научных принципов комментарий, сопровождаемый крайне неряшливой текстологической работой С.Я. Штрайха. Для рецензента М.К. Азадовского на первом месте в плане критики стоит комментарий, хотя он и указывает

⁷⁷ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 256.

⁷⁸ Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 296.

⁷⁹ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 255.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 38.

⁸² Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка... С. 222.

на «досадные недосмотры» в публикуемых текстах⁸³. На наш взгляд, небрежность публикации текстов – не менее тяжкий грех. И у Штрайха эта небрежность и неряшливость переходят всякие мыслимые границы. В связи с чем важно авторитетное мнение С.В. Житомирской, отметившей, что, «к сожалению, вопросам текстологии Азадовский, как и в других своих рецензиях, уделил мало внимания, и недостатки этого издания в этой области не были полностью вскрыты»⁸⁴.

К счастью, указанные проблемы были решены в переиздании сочинений И.Д. Якушкина в серии «Полярная звезда», подготовленном В.И. Порохом и И.В. Порохом: тексты прошли тщательную сверку с архивными первоисточниками, а издание снабжено научным комментарием, исправившим досадные ограхи комментирования С.Я. Штрайха⁸⁵. Но почему же современная редакция «Литературных памятников», зная, очевидно, все недостатки работы составителя и публикатора С.Я. Штрайха, выявленные не только рецензией М.К. Азадовского, но и описанные С.В. Житомирской и В.И. Порохом, все же выпустила факсимильное издание сочинений Якушкина? Легко представить, какие чувства испытала бы по этому поводу М.К. Азадовский и Ю.Г. Оксман! Ответ прост – «Литературные памятники» не чисто научная серия, она рассчитана на массового читателя. Та самая «композиция» тома выдержала проверку временем, второй момент – якушкинское наследие вошло в нашу культуру уже как целостное явление, комплекс которого сформирован публикацией С.Я. Штрайха, чему нельзя не отдать должное, и такой формат стал привычным в отечественном литературном наследии. Востребованность И.Д. Якушкина для массового читателя стала очевидной в начале XXI в., а издание 1951 г. превратилось в библиографическую редкость. Новое факсимильное издание нацелено именно на массового читателя, для профессиональных историков существует серия «Полярная звезда», в связи с чем подчеркнем, что в научных трудах необходимо опираться только на издание «Записок» 1993 г.

Подводя итоги, можно сказать, что М.К. Азадовский, находясь в крайне сложных для себя жизненных условиях, драматичной профессиональной ситуации, поставленный вне науки кампанией борьбы с космополитизмом, одновременно ищущий свое новое место на научном поприще, пытаясь адаптироваться как декабристовед (и делающий внушиительные успехи!), совершил научный подвиг, смело выступив за принципы научного комментирования, рискуя вновь оказаться отлученным от исследовательского труда, на этот раз от декабристоведения. И данную рецензию нельзя считать шагом к научной реабилитации М.К. Азадовского. Борьба с космополитизмом еще не была окончена, и он, выступая против С.Я. Штрайха, шел на существенный риск, но ради научной истины для него действительно «все были жребии равны». Он вполне мог утратить и то, чего достиг в последние годы, потерять возможность заниматься темой о декабристах. После выхода в серии «Литературные памятники» тома Бестужевых, подготовленного М.К. Азадовским, показавшего пример, каким должен быть научный комментарий, «звезда» С.Я. Штрайха погасла – стало понятно, каким должен быть уровень научного комментирования в декабристоведении при публикации источников. Но даже после статьи М.Д. Марич, сделавшей попытку перечеркнуть достижения Азадовского и обесценить его труд, ученый нашел в себе силы выступить с рецензией на С.Я. Штрайха и восстановить равновесие, самостоятельно выбрав именно эту тему для критического разбора. Он поставил важнейшие вопросы выработки принципов научного комментирования изданий, являющихся важным инструментом публикации исторических источников и формирования исторической памяти.

⁸³ Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним... С. 254.

⁸⁴ Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма... С. 38.

⁸⁵ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993.

Литература

- Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним // Новый мир. 1953. № 3. С. 253–256.
- Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. Кн. 1. 496 с.
- Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Кн. 2. 426 с.
- Воспоминания Бестужевых / ред. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 903 с.
- Житомирская С.В. М.К. Азадовский – историк декабризма // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. Т. 1. С. 3–54.
- Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и комм. С.Я. Штрайха. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 740 с.
- Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. ред. и коммент. С.Я. Штрайха. [Репринтное воспроизведение издания 1951 года]. СПб.: Наука, 2007. 737 с.
- Зелинский К.Л. Штрайх незаметный // Вопросы литературы. 1964. № 1. С. 251–256.
- Колеватов Д.М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского 1940-е гг.) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 1. С. 120–140.
- Марич М. Воспоминания декабристов // Новый мир. 1952. № 9. С. 281–284.
- Марк Азадовский, Юlian Оксман. Переписка. 1944–1954 / изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: НЛО, 1998. 410 с.
- Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.) // Декабристы и их времена. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. I. С. 141–186.
- Онуфриев Н. Изучение литературного наследства Белинского // Новый мир. 1951. № 9. С. 217–222.
- Порох И.В. Рецензия: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. I–III // Советская книга. 1952. № 5. С. 76–83.
- Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века / сост. С.Я. Штрайх. М.: Воен. изд-во, 2000. 285 с.
- Хронологический список печатных работ М.К. Азадовского за 1944–1956 гг. // Литературное наследство. 1956. Т. 60, № 1. С. 644–646.
- Штрайх С.Я. Книги и статьи. 1903–1930: Библиографический список. М.: Федерация, 1930. 22 с.
- Юрьева Н.В. С.Я. Штрайх: Книги и статьи. 1903–1946: Библиографический список. М., 1946. 47 с.
- Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы / изд. подгот. В.И. Порох, И.В. Порох. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 400 с.

References

- Azadovskiy, M.K. (1953). Zapiski I.D. Yakushkina i kommentariy k nim [Notes by I.D. Yakushkin and Commentary on Them]. In *Novyy mir*. No. 3, pp. 253–256.
- Azadovskiy, M.K. (1991). *Stranitsy istorii dekabrizma* [Pages of the History of Decembrism]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 496 p.
- Azadovskiy, M.K. (1991). *Stranitsy istorii dekabrizma* [Pages of the History of Decembrism]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 2. 426 p.
- Azadovskiy, M.K. (Ed.). (1991). *Vospominaniya Bestuzhevikh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 903 p.
- Azadovskiy, K.M. (Ed.). (1998). *Mark Azadovskiy, Yulian Oksman. Perepiska. 1944–1954* [Mark Azadovsky, Yulian Oksman. Correspondence. 1944–1954]. Moscow, NLO. 410 p.

(1956). Khronologicheskiy spisok pechatnykh rabot M.K. Azadovskogo za 1944–1956 gg. [Chronological List of M.K. Azadovsky's Published Works from 1944 to 1956]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 60, No. 1, pp. 644–646.

Kolevatov, D.M. (2005). Nauchnoe soobshchestvo kak sotsial'nyy fil'tr ("Repressivnoe davlenie" v nauchnoy sud'be M.A. Gudoshnikova i M.K. Azadovskogo 1940-e gg.) [The Scientific Community as a Social Filter ("Repressive Pressure" in the Scientific Fate of M. A. Gudoshnikov and M. K. Azadovsky in the 1940s)]. In *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik*. Omsk. Vol. 1, pp. 120–140.

Marich, M. (1952). Vospominaniya dekabristov [Memoirs of the Decembrists]. In *Novyy mir*. № 9, pp. 281–284.

Nechaev, V.N. (1928). Pis'ma I.D. Yakushkina k I.D. Shcherbatovu (1816–1821 gg.) [Letters from I.D. Yakushkin to I.D. Shcherbatov (1816–1821)]. In *Dekabristy i ikh vremya. Trudy Moskovskoy i Leningradskoy sektsiy po izucheniyu dekabristov i ikh vremeni*. Moscow. Vol. 1, pp. 141–186.

Onufriev, N. (1951). Izuchenie literaturnogo nasledstva Belinskogo [The Study of Belinsky's Literary Legacy]. In *Novyy mir*. № 9, pp. 217–222.

Porokh, I.V. (1952). Retsenziya: Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov. M., 1951. T. I–III [Review: Selected Social, Political, and Philosophical Works of the Decembrists. Moscow, 1951. Vol. I–III]. In *Sovetskaya kniga*. No. 5, pp. 76–83.

Shtraykh, S.Ya. (1930). *Knigi i stat'i. 1903–1930: Bibliograficheskiy spisok* [Books and Articles. 1903–1930: Bibliographic List]. Moscow, Federatsiya. 22 p.

Shtraykh, S.Ya. (Ed.). (2000). *Roman Medoks. Pokhozhdeniya russkogo avanturista XIX veka* [Roman Medoks. The Adventures of a 19th Century Russian Adventurer]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo. 285 p.

Shtraykh, S.Ya. (Ed.). (1951). *Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina* [Notes, Articles, and Letters by the Decembrist I.D. Yakushkin]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 740 p.